

Встреча на всю жизнь

Бывают в жизни встречи, может быть, и частые, а в памяти от них не остается и следа. Бывает же — и общения не частые, но каждая встреча сохраняется в сердце и помнишь о ней всю жизнь.

Юри Гуляева помню по моему первому театральному сезону. А было это в Свердловске. Музыкальным сердцем города по праву считался оперный театр. Вот там мы и встретились.

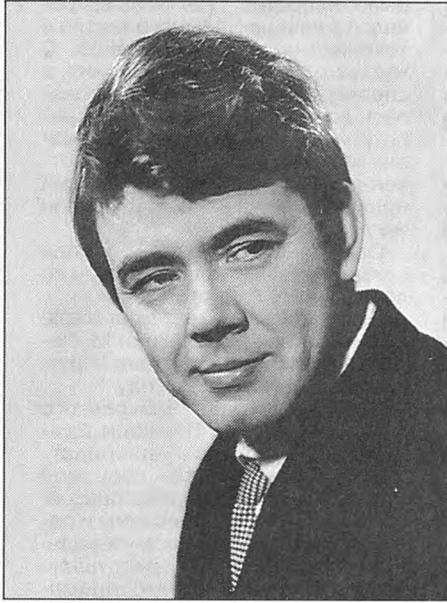
Весь он был радостным, удивительно жизнерадостным, с открытым лицом и обаятельной улыбкой. Держался просто и естественно. Уже тогда привлекал его мягкий, красивый тембр голоса, его приятно было слушать.

Но скоро наши дороги разошлись. Сначала уехала я. Юрий уехал в Донецкий оперный театр. А потом я услышала о его первых громадных успехах. Он приезжал в Москву на Декаду украинского искусства, и москвичи открывали для себя Юрия Гуляева. Некоторое время спустя Юрий стал солистом Киевского оперного театра. Что-то новое и прекрасное появилось в его голосе, в пении; благородный тембр голоса, с грудными обертонами, раздольная, широкая кантилена, проникновенная, за душу берущая...

Когда я услышала исполнение им русских песен, я вспомнила Юрия-студента. В нем сохранились та же юная удача, размах, естественность и цельность русской природы, широкая манера подачи звука. Юра хорошо знал душу своего народа, в пении умел рассказать о ней достоверно, нигде не фальшивя. Он нес в себе самое большое богатство — человеческую доброту.

Как-то судьба свела нас на гастролях в Канаде. На открытии и закрытии, я уже не помню, мы оказались в одном концерте. Я слушала Юрия, стоя в кулисах. Огромное впечатление произвело на меня это выступление. Помню, как пел он «Из-за острова на стрежень». Лучшего исполнения я не знаю. У него было личное, индивидуальное восприятие этой народной песни. Образ русского бога-

тыря предстал с такой широтой, такой проникновенной глубиной, что, казалось, будто слышишь песню впервые. Зал стонал, бушевал, требовал «биса». Не всегда бывает, что разделяешь восторги зала, здесь же полное совпадение впечатлений. Я тогда ему сказала об этом, а он удивился, обрадовался, даже переспросил, как буд-

то не поверил. А я подумала: «Странно, неужели ему так важно мое мнение в эту минуту, все и так ясно и прекрасно...»

В Нью-Йорке, Вашингтоне, Сан-Франциско я бывала в домах, где с гордостью показывали пластинки Гуляева. Для людей, потерявших родину, он становился связующим звеном, голосом России, а это надо было заслужить. Его душа и сердце отражали в песнях облик родной земли, он пел о ней: «Я люблю тебя, Россия», «Русское поле», «Всю-то я вселенную проехал». И песни исполнял, как никто по-своему, задушевно невероятно.

...Я помню, каким радостным был для него 1975 год! Он был выдвинут на Государственную премию СССР за концертные программы и оперные партии, принят

в труппу Большого театра СССР. Его дебютом был Фигаро в «Севильском цирюльнике». Вторым спектаклем был «Трубадур». Юра обратился ко мне и Владиславу Пьявко с просьбой петь вместе этот спектакль. Тут было волнение вдвойне, в зале была комиссия, члены Правительства, а мы волновались за коллегу. Он очень хорошо пел. И был благодарен нам — Юра прекрасно чувствовал дружескую атмосферу, умел ценить ее.

...Снова слушаю его голос. Он звучит по радио, я включаю магнитофонные записи. Вот он поет арию Мазепы из одноименной оперы Чайковского. Какое четкое, ясное слово, выразительное свободное пение, с полным, округлым звучанием, как найдено настроение. Раздумная первая часть арии, постепенно нарастают взволнованность повествования, стремление ввысь, красивый, яркий верх, венчающий кульминацию арии и одновременно необычайная интимность в подаче смысла и содержания.

Почему же не спел он Мазепу в Большом? Никто из нас по-настоящему и не знал, что он тяжело болел, боролся с болезнью, и подумать никто не мог, что у него — астма. Он приходил в театр улыбающийся, и никто не подозревал, что у него с собой всегда есть лекарство. Вот почему он не смог спеть Мазепу... А на лице улыбка. А какой искрящийся, юный, задорный был у него Роберт в «Иоланте» Чайковского! А романс «Средь шумного бала» — с таким верным настроением, с грозой в голосе...

Рахманинов был ему особенно близок. Как драматично звучит «Отрывок из Мюссе». А вот он буквально рисует голосом «Все отнял у меня». А как он поет «Элегию» Массне! С удивительным чувством потери, безвозвратно ушедшего...

И неожиданный уход Юрия из жизни. Он был для многих непонятным, как обухом по голове... Смерть тяжела, когда уходит человек красивой души.

Остался его голос. Слушаешь и думаешь: как ужасно непростительно мы в суете жизни невнимательны друг к другу.

Ирина АРХИПОВА.

Помню нашу первую встречу. Наш оркестр русских народных инструментов ждал Юрия на репетицию. Он вошел, и буквально заполнил собой весь зал — большой, щедро одаренный природой во всем человек, красиво и хорошо улыбающийся. Своей доброжелательной улыбкой он сразу расположил к себе оркестрантов, и они близко, по-хорошему приняли его. Через наш оркестр проходит за сезон около пятидесяти исполнителей. От многих в памяти ничего не остается. У Юрия — счастливая судьба, у всех осталась о нем добрая память. Когда я сказал музыкантам, что пишу о нем, все заулыбались. Вспомнили его замечательную улыбку, через которую проглядывала человеческая приветливость и открытость. Они были и в его исполнительской манере.

Гуляев был не просто талантливым певцом — он был талантливым человеком, одержимым желанием выразить себя не только в пении. Вокалист, он начал сочинять песни. А песня — значит, слово, поэзия. И мне кажется, не зря в своем композиторском творчестве Юрий обратился к Есенину. В его характере были черты, сходные с есенинскими. Это щед-

Улыбка Гуляева

рость русского таланта, русской души. Как она проявлялась у Есенина в стихах, так у Юрия — в общении, в пении. Поэтому и появились его песни «Дорогая, сядем рядом», «Над окошком месяца».

Когда он пел романс, русскую песню, это надо было еще и видеть. На сцене стоял большой русский человек, щедро одаренный природой, очень крепко заряженный эмоционально. Далеко не каждому дано «высекать искры» из душ человеческих. Для этого самому надо быть кремнем, способным это сделать.

Впервые я услышал Гуляева, когда он пел «Созвездие Гагарина». И слушая, подумал: Пахмутова, наверное, писала этот цикл специально для него. Какие-то черты у Юрия Гагарина и у Юрия Гуляева соприкасались — открытая улыбка, стремительность.

Меня особенно привлекало в Юрии Александровиче то, что в своем исполнении он никогда не повторялся, мог одно и то же произведение дважды подряд — один из них «на бис» — спеть совершенно по-другому. Он не любил на репетиции делать все досконально точно, до конца, оговаривал только отдельные моменты. Человек буйного, неукротимого таланта, он сохранял за собой возмож-

ность на концерте что-то по своему музыкантскому чутью симметризовать в зависимости от настроения, а он очень чувствовала аудиторию.

В нем было очень развито чувство партнерства. Аккомпанировать ему было легко. Он шел от своего сердца, чувствовал так, как пел, а не выдумывал специально какие-то неоправданные затейки, ферматы, не конструировал музыку.

Его концерты, как правило, фактически состояли из трех отделений: он исполнял около тридцати произведений. Каждый концерт у Юрия жил своей жизнью. Я помню, как он пел романс «Не лукавьте», варьируя все время отношение к этим словам — «Не лукавьте», — каждый раз эмоционально по-новому окрашивая их.

Даже находясь в зените славы, Юрий всегда волновался, ужасно нервничал перед выходом на сцену. Это качество удивительно близко мне, я очень хорошо чувствовал его состояние вокалиста. А как его любили! Какой благодарной была публика, вызывая его без конца! Когда заканчивался концерт, он не отделился от музыкантов, хотел, чтобы они были причастны к его успеху. Мне приходилось буквально выпихивать его одного на сцену. А он хотел, чтобы радость раз-

деляли вместе с ним и оркестр, и дирижер. Так трогательно было — обнимет меня за плечо — большой такой — тащит на сцену, и так радостно: «По-моему, удалось, а? Ведь концерт удался?»

Он никогда не выходил на пустую улицу — сколько бы времени ни оставал, не приходил в себя после концерта, его всегда ждали. Зрители хотели сказать еще раз большое спасибо за его искусство, за то, что он так щедро делился своим даром.

У меня осталось ощущение, что он был из породы тех людей, которые никогда в жизни, уже в силу своего характера, не могут сделать недоброе своему товарищу. Он был по-настоящему сильным человеком, а сильный человек не применит свою силу во вред.

Он умел радоваться и разделять радость своего успеха с теми, кто хоть мало-мальски был причастен к нему, умел радоваться успеху своих коллег. Вспоминаю 35-летие оркестра народных инструментов, когда Юрий через весь зрительный зал бежал к сцене с охапкой цветов. Я, стоя спиной, не вижу, а когда повернулся кланяться, глазам своим не поверил — Юра с огромным букетом роз. И улыбается, конечно. Как замечательно это, когда человек так улыбается. И люди помнят и вспоминают эту улыбку.

Николай НЕКРАСОВ.